

**Зеленков А.С.^{a, b, *}, Корусенко М.А.^c, Герасимов Ю.В.^c,
Здор М.Ю.^d, Слепцова А.В.^e**

^a Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625000

^b Международный научный центр «Астана», просп. Кабанбай-батыра, 8, Астана, Республика Казахстан, 010000

^c Институт археологии и этнографии СО РАН, просп. К. Маркса, 15/1, Омск, 644023

^d Омский научный центр СО РАН, просп. К. Маркса, 15/1, Омск, 644023

^e ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008

E-mail: qvimen@hotmail.com (Зеленков А.С.); otto_link@mail.ru (Корусенко М.А.);

ngajapti@yandex.ru (Герасимов Ю.В.); max.zdor@gmail.com (Здор М.Ю.);

sleptsova_1993@mail.ru (Слепцова А.В.)

КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА АЛЕКСЕЕВКА-51А (ОМСКОЕ ПРИИРТЫШЬЕ)

Публикуются комплексы конца IV — V в. карымского типа нижнеобской историко-культурной общности (ИКО), обнаруженные в Омском Прииртышье близ д. Алексеевки (Муромцевский р-н Омской обл.). Курганный могильник Алексеевка-51а относится к Алексеевскому археологическому микрорайону, расположенному на юго-западной окраине Тара-Туйской равнины, на правом берегу р. Тары. Могильник входит в границы поселения позднего средневековья Алексеевка-51, которое было открыто в 2004 г. М.А. Корусенко. В 2009 и 2010 гг. под руководством М.Ю. Здора и Ю.В. Герасимова были изучены курганы 12–14 с коллективными и одиночными захоронениями, содержащими фигурно-штампованную керамику карымского и бакальского типов, детали поясных наборов и украшения эпохи Великого переселения народов. Приводятся их полное описание, а также результаты обработки палеоантропологического материала. Авторами обнаружены синкретичные лесостепные и таежные признаки в обряде захоронений, дальние восточноевропейские и зауральские аналогии инвентарю. Полученные данные позволят в будущем детализировать ареал карымских памятников нижнеобской ИКО, уточнить хронологию, причины и последствия миграции таежных групп в лесостепь Западной Сибири.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Омское Прииртышье, карымский тип памятников, погребальные комплексы, великое переселение народов.*

Ссылка на публикацию: Зеленков А.С., Корусенко М.А., Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Слепцова А.В. Комплексы эпохи переселения народов из курганного могильника Алексеевка-51а (Омское Прииртышье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 1. С. 73–84. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-68-1-5>

Введение

Эпоха Великого переселения народов считается точкой отсчета коренных изменений в сложении материальной культуры населения Западной Сибири. Дезорганизация и разложение саргатского и кулайского обществ в середине III — начале IV в. н.э. под влиянием экономико-политических и природно-климатических факторов [Корякова, 1988; Матвеева, 2016] способствовали установлению новых культурных связей, соответствующих времени появления карымских памятников [Зыков, 2012, с. 46–48; Борзунов, Чемякин, 2013, с. 34–37] в лесостепной и подтаежной зонах Западной Сибири. Сегодня известно четыре карымских могильника: Сайгатинский-VI [Терехова, Карачаров, 1994, с. 277–289], Козлов-Мыс-2 (Козловский) [Матвеева 2012], Усть-Тара-7 [Скандаков, Данченко 1999], Красноярский-IV [Грачев и др., 2021] и несколько отдельных погребений в составе некрополя Ревда-5 [Матвеева, 2016]. Тем не менее феномен карымского присутствия за границами его основного ареала — Нижнего Приобья остается слабо изученным.

В связи с вышеизложенным понятна актуальность публикации материалов могильника Алексеевка-51а, которые пополнят базу карымских памятников, что позволит в будущем получить более детальные представления о составе и развитии материальной культуры населения Прииртышья в эпоху Великого переселения народов.

* Corresponding author.

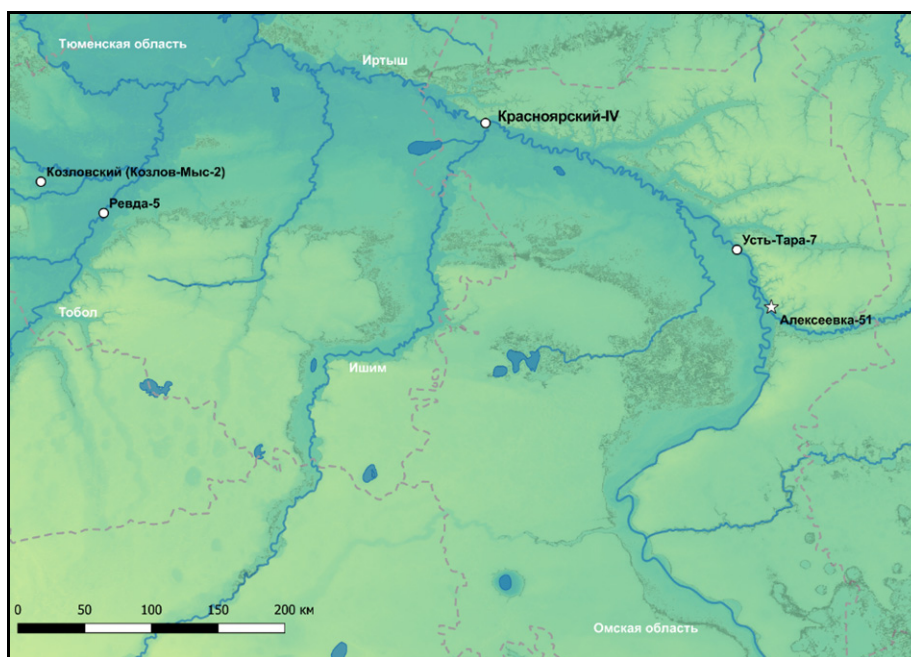

Рис. 1. Карта-схема расположения могильников карымского типа нижнеобской ИКО Тоболо-Иртышье.
Fig. 1. The location of the Karym type (the Nizhneobskaya Culture) burial grounds in Tobol and Irtysh rivers valley.

Объекты исследования

Территория памятника Алексеевка-51 (рис. 1) находится в пределах Тара-Туйской (Васюганской) равнины, граничащей по р. Таре с Западно-Барабинской. Поверхность ее полого-увалистая, к северу приобретает плоско-заболоченные черты, с многочисленными озерами и верховыми болотами, дающими начало многочисленным рекам Обь-Иртышского бассейна, а с точки зрения природно-почвенных характеристик она относится к северной лесостепи [Система адаптивного земледелия..., 2020, с. 8, 13]. Описываемый памятник входит в состав археологического микрорайона в окрестностях д. Алексеевки Муромцевского района Омской области. Микрорайон насчитывает около 60 памятников от эпохи неолита до Нового времени [Здор и др., 2000].

Археологический комплекс Алексеевка-51 (рис. 2, А) был открыт в 2004 г. М.А. Корусенко на правом берегу р. Тары, примерно в 3,5 км к ССЗ от д. Алексеевки [Герасимов, Здор, 2011]. Терраса в этом месте имеет крутые и обрывистые склоны высотой до 10 м, вдоль них хаотично разбросано более двух десятков разновременных насыпей прямоугольной и подпрямоугольной форм высотой до 0,45 м, представляющих собой остатки как хозяйственных и жилых построек эпохи позднего средневековья и Нового времени, так и погребальных конструкций эпохи Великого переселения народов. Исследование памятника было начато М.А. Корусенко в 2006 г. раскопками одного из объектов, разрушаемого береговой эрозией, и продолжено в 2009 г. М.Ю. Здором, а в 2010 г. — Ю.В. Герасимовым. В результате работ установлено, что часть насыпей, которые первоначально рассматривались как объекты поселения, в действительности являются курганными насыпями. На этом основании из состава поселения Алексеевка 51 был выделен курганный могильник Алексеевка 51а, на котором исследовано три насыпи (рис. 2, Б) с четырьмя погребениями (рис. 3, 1–3) карымского типа нижнеобской ИКО IV–V вв. н.э. Их полная публикация дается далее.

Описание курганных насыпей

На памятнике были раскопаны насыпи №№ 12–14, расположенные на северо-западной окраине, за небольшой ложбиной стока, которая заканчивается активным оврагом (рис. 2). Все насыпи в плане подчетыреугольные, ориентированы по оси СЗ–ЮВ, с неровной, бугристой поверхностью, с небольшими углублениями вдоль контуров. Размеры объектов: № 12 — 8,7×5,6×0,4, № 13 — 5,2×4,4×0,26 м, № 14 — 4,4×4,4×0,2 м (рис. 2). При выборке насыпей встречались фрагменты гончарной керамики и обломки костей животных, связанные, скорее всего, с культурным слоем поселения. Следов каких-либо конструкций не зафиксировано, в восточной части насыпи кургана 12 обнаружен карымский сосуд, поставленный на поверхность материка вверх устьем (рис. 6, 4).

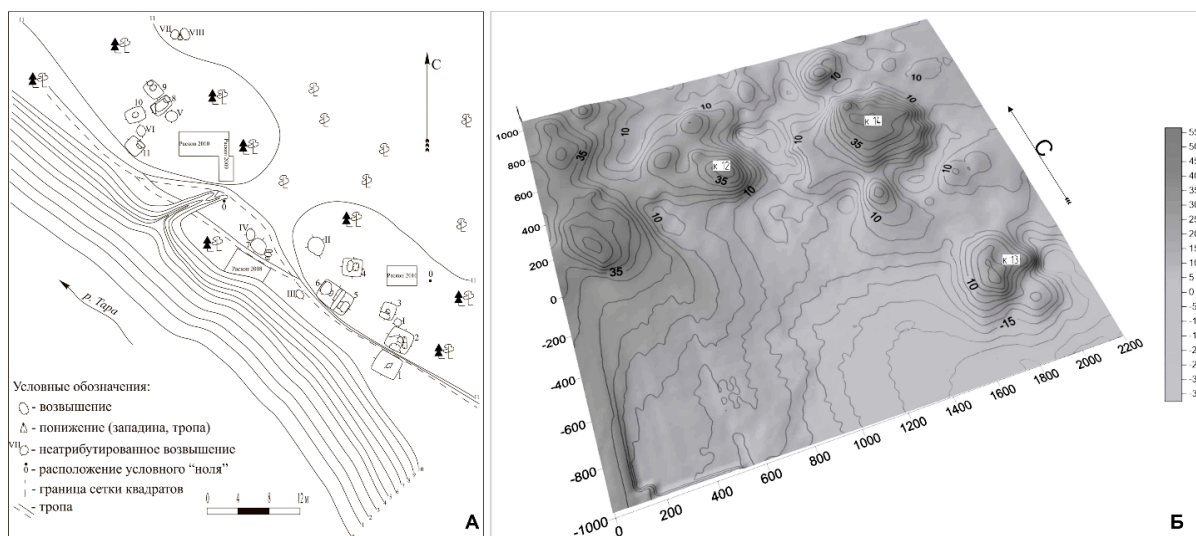

Рис. 2. Топографический план археологического комплекса Алексеевка-51 (А) и микрорельеф исследованных участков могильника Алексеевка-51а (Б).
 Fig. 2. The Alekseevka-51 archaeological complex topographic scheme (A) and studied areas (Б).

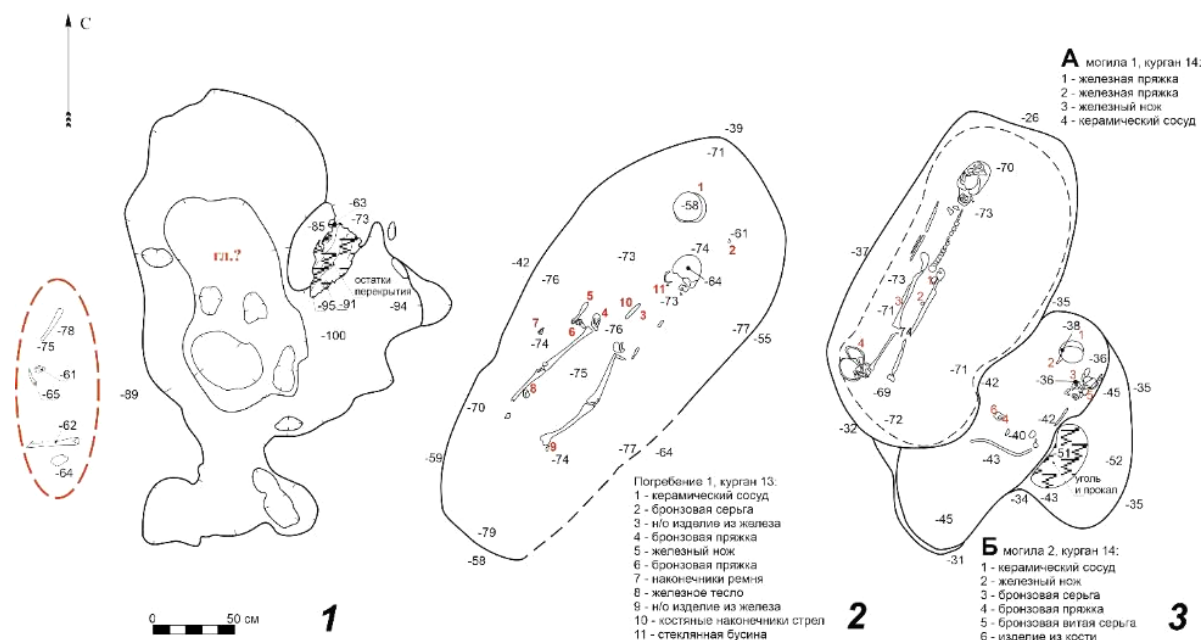

Рис. 3. Погребения курганного могильника Алексеевка 51а:

1 — п. 1 к. 12; 2 — п. 1 к. 13; 3, А — п. 1 к. 14; 3, Б — п. 2 к. 14.

Fig. 3. The Alekseevka 51a burial mound:

1 — mound 12, grave 1; 2 — mound 13, grave 1; 3, А — mound 14, grave 1; 3, Б — mound 14, grave 2.

Описание погребений

Курган 12, погребение 1 (рис. 3, 1). Представляло собой подпрямоугольную яму с округлыми углами глубиной до 0,04 м от уровня материка размерами 1,8×0,75 м, ориентированную по линии СЗ–ЮВ. Заполнение — мешанная со светло-коричневым суглинком серая супесь. Стенки отвесные, дно плоское, но его южная половина была испещрена овальными и подтреугольными ямами, что указывает на антропогенное воздействие. В 0,2 м от западного края ямы были обнаружены остатки перекрытия в виде подтреугольного пятна с углистым и золистым заполнением, а также линзами прокала. Могила была полностью ограблена: фрагменты скелета погребенного и часть погребального инвентаря оказались сосредоточены на 0,4–0,6 м выше и на 0,5–0,8 м западнее могилы. Уцелели лишь разрозненные фрагменты костяка, представленные остатками

обоженных бедренных и плечевых костей, обломком таза, коленной чашечкой, ребром. Маркеры, указывающие на пол и возраст погребенного, не сохранились. К югу от бедренной кости собрано несколько фрагментов баночного сосуда с ямочным орнаментом (рис. 6, 4), севернее бедренной кости обнаружены костяной наконечник (рис. 4, 1), железный нож (рис. 4, 4), бусина (рис. 5, 1) и остатки сильно корродированного, хрупкого железного предмета неопределимой формы.

Курган 13, погребение 1 (рис. 3, 2). Могила овальной формы с небольшим расширением в СВ части, ориентирована по линии СВ–ЮЗ, размерами 2,87×1,25 м, с ровным дном и отвесными стенками. СВ часть могильной ямы выше на 5 см и отделена от ЮЗ ступенькой. Глубина ямы от уровня материка составляет 0,32 м в СВ части и 0,21 м — в ЮЗ.

Захоронение совершено по обряду ингумации, погребенный был уложен на спину в вытянутом положении, головой на СВ. Сохранность костяка плохая, уцелели мозговой отдел черепа, фрагменты нижней челюсти, тазовых и длинных костей нижних конечностей. Череп лежал на левой стороне, лицевой частью обращен к юго-востоку, но, судя по положению нижней челюсти, изначально он опирался на затылочный отдел; наблюдаемое положение он приобрел, видимо, после разрушения связок. На черепе выражены лобные и теменные бугры, сосцевидный отросток развит слабо (балл 2), верхний край орбиты приострен (балл 2)¹. Форма большой сагиттальной вырезки тазовой кости образует прямой угол (балл 2). Сагиттальный, венечный и ламбдовидный швы открыты (балл 0). Жевательная поверхность зубов сошлифована незначительно, на фронтальных зубах и первых молярах отмечены точки обнажения дентина (балл 1, 2). Кости посткраниального скелета полностью сформированы. Сохранившиеся эпифизы бедренных костей приросли к диафизам. По совокупности признаков, зафиксированных на черепе и посткраниальном скелете, это останки индивида женского пола. Женщина умерла во взрослом возрасте (*adultus*, от 25 до 35 лет). Мозговой отдел черепа индивида подвержен прижизненной деформации кольцевого типа (по классификации Жирова [1940]). Сохранность зубной системы позволяет описать основные одонтологические признаки (по: [Зубов, 1968]). Фронтальные резцы верхней челюсти не сохранились, на латеральных резцах лопатообразность отсутствует. Бугорок Карабелли на первых верхних молярах не встречен. Гипоконус вторых верхних моляров редуцирован слабо (балл 4-). Первые моляры нижней челюсти 5-бугорковые, с «У»-узором коронки. Жевательная поверхность этих зубов сошлифована, однако можно установить отсутствие *tam*i и протостилида. Вторые нижние моляры 4-бугорковые, с «Х»-узором коронки. Размеры продольных (мезиодистальных, далее — *md*) и поперечных (вестибуло-лингвальных, далее — *vl*) диаметров постоянных моляров верхней (*md* M¹ — 11,2 мм; *md* M² — 9,8 мм; *vl* M¹ — 11,7 мм; *vl* M² — 9,8 мм) и нижней (*md* M₁ — 10,9 мм; *md* M₂ — 10,4 мм; *vl* M₁ — 10,7 мм; *vl* M₂ — 10,1 мм) челюстей, а также средний модуль ряда верхних моляров (11 мм) свидетельствуют о макродонтизме (рассчитано по: [Зубов, 1968, с. 134–125]).

Под стенкой могилы, 0,21 м к северу от черепа, обнаружен керамический сосуд (рис. 6, 1), обращенный устьем вверх. Бронзовая височная подвеска (рис. 5, 4) была обнаружена в 0,23 м к северо-востоку от черепа на глубине 0,22 м от уровня материка, т.е. на 0,12 м выше уровня дна могилы. Расположение серьги позволяет предполагать, что ее не надели на умершего в момент погребения, а поместили в могильную яму позже, в процессе засыпки. В области пояса, на линии позвоночника, был обнаружен железный нож (рис. 4, 7). Юго-западнее от него лежала бесщитковая бронзовая пряжка (рис. 5, 9). В области поясницы были обнаружены лежавшие плотной группой три (один рассыпался) костяных наконечника стрел плохой сохранности остриями вверх (рис. 4, 2–3); вероятно, они находились в колчане, изготовленном из органических материалов (не сохранился). У верхнего эпифиза правой берцовой кости с внешней стороны лежала бронзовая пряжка (рис. 5, 10). У восточной стенки могилы сохранились две пластины от наконечника ремня (рис. 5, 7–8). Слева от большой берцовой кости правой ноги обнаружено железное тесло с несомкнутой втулкой (рис. 4, 8), оно располагалось вертикально и было слегка углублено в дно могилы. У нижнего эпифиза большой берцовой кости левой ноги обнаружено сильно корродированное железное изделие неопределимой формы размерами 2,9×2,1×0,7 см (не сохранилось). Под нижней челюстью погребенного найдена двучастная стеклянная бусина с металлической фольгой (рис. 5, 1).

¹ Здесь и далее диагностика пола проводилась на основании анализа морфологии черепа, строения таза и посткраниального скелета [Lovejoy, 1985; Meindl, Lovejoy, 1985; Buikstra, Ubelaker, 1994]. Возраст индивидов на момент смерти определялся по степени облитерации швов черепа и стертости жевательной поверхности зубов [Зубов, 1968, с. 173–174; White, Folkens, 2005].

Рис. 4. Бытовой инвентарь и наконечники стрел из погребений курганного могильника Алексеевка-51а: 1, 4 — п. 1 к. 12; 2, 3, 7, 8 — п. 1 к. 13; 6 — п. 2 к. 14; 5 — п. 1 к. 14.

Fig. 4. Implements and arrowheads from the Alekseevka-51a burials:

1, 4 — burial 1 of kurgan 12; 2, 3, 7, 8 — mound 13, grave 1; 6 — mound 14, grave 2; 5 — mound 14, grave 1.

Курган 14, погребение 1 (рис. 3, А). На уровне материка зафиксировано в виде продолговатого пятна с серым заполнением, ориентированного по линии СВ–ЮЗ. Оно вплотную примыкало с юго-востока к контурам погребения 2. После выборки могильная яма приобрела подпрямоугольную форму со скругленными углами, ее размеры 2,22×1,14 м, глубина 0,4 м, стенки отвесные, дно ровное.

Погребенный лежал вытянуто на спине вплотную к северо-западной стенке ямы, головой на СВ. Все сохранившиеся части костяка располагались в анатомическом порядке, не имеют признаков термического воздействия или следов искусственного повреждения. Сохранность костяка неудовлетворительная — для исследования доступны фрагменты теменных и затылочной костей, нижней челюсти, тазовых, бедренных и большеберцовых костей, а также позвонки шейного и грудного отделов. При жизни индивида утрачены вторые верхние, а также первые и вторые нижние моляры. Кости скелета массивные, с развитым рельефом в местах прикрепления мышц. Форма большой седалищной вырезки образует тупой угол (балл 4). Уцелевший фрагмент сагиттального шва закрыт почти полностью (балл 2). Коронка единственного сохранившегося зуба — первого верхнего моляра стерта значительно, отмечены обширные обнажения дентина (балл 4). По совокупности признаков можно заключить что костные останки принадлежали мужчине, умершему в зрелом или, что более вероятно, старческом возрасте (*maturus-senilis*, более 45 лет).

Сопроводительный инвентарь располагался так, как мог бы располагаться при жизни погребенного. Железная пряжка обнаружена у левого тазобедренного сустава с внутренней стороны (рис. 5, 13); еще одна сильно коррозированная железная пряжка располагалась у внутренней стороны бедренной кости левой ноги (рис. 5, 12); железный нож обнаружен у бедренной кости правой ноги с внешней стороны (рис. 4, 5); керамический сосуд, помещенный в могилу устьем вниз, был установлен у стопы правой ноги (рис. 6, 3).

Курган 14, погребение 2 (рис. 3, Б). Зафиксировано в виде пятна овальной формы с серым заполнением, ориентированного по линии СВ–ЮЗ. Оно примыкало с юго-востока к контурам погребения 1, не перекрывая его. В юго-восточной части обнаружено овальное пятно прокала с золисто-углистым окаймлением. После выборки могильная яма сохранила форму и ориентировку. Ее размеры 1,82×0,57 м, глубина от 0,03 м (в СВ части) до 0,13 м (в ЮЗ части) от уровня материка. Дно ямы ровное, юго-западная, северо-восточная и часть юго-восточной стенки отвесны, северо-западная стенка отсутствует (ее контур смыкается с могилой № 1), часть ЮВ стенки разрушена прокалом.

Комплексы эпохи переселения народов из курганного могильника Алексеевка-51а...

Судя по расположению костей черепа, погребенный был ориентирован головой на северо-восток. К сожалению, его положение сложно поддается реконструкции в связи с плохой сохранностью посткраниального скелета, от которого уцелели лишь фрагменты диафизов бедренной и большеберцовой костей, шейных позвонков и тазовой кости, расположенные не в анатомическом порядке. Степень сформированности доступных для исследования фрагментов костей черепа и посткраниального скелета, а также состояние зубной системы индивида (корни вторых моляров и премоляров полностью сформированы, на первых молярах отмечены единичные точки дентина) свидетельствуют о том, что останки принадлежат индивиду подросткового возраста (*juvenis*, 12–18 лет). Хорошая сохранность зубов позволяет описать основные одонтологические признаки (по: [Зубов, 1968]). Лопатообразность на центральных резцах верхней челюсти отсутствует, на латеральных — выражена слабо (балл 1). Бугорок Карабелли на первых верхних молярах не встречен. Гипоконус вторых верхних моляров редуцирован слабо (балл 4-). Первые моляры нижней челюсти 5-бугорковые, с «У»-узором коронки. Дополнительные бугорки, дистальный гребень тригониды, *tam1* и протостилид отсутствуют. Вторые нижние моляры не сохранились. Из-за посмертных сколов эмали доступны неполные данные о продольных и поперечных диаметрах постоянных моляров верхней (*md M¹* — 9,8 мм; *md M²* — 10,1 мм; *vl M²* — 10,5 мм) и нижней (*md M₁* — 10,5 мм; *vl M₁* — 10,2 мм) челюстей.

В 0,07 м к северо-западу от черепа располагался лепной керамический сосуд устьем вверх (рис. 6, 2). Под сосудом лежал небольшой железный нож (рис. 4, 6) с остатками деревянной рукояти. При разборке фрагментов черепа были обнаружены две бронзовые серьги: одна в виде полукольца из тонкой проволоочки, располагавшаяся с правой стороны (рис. 5, 3), вторая — витая — слева от черепа (рис. 5, 5). В 0,4 м к ЮЗ от черепа, в области таза, с правой стороны, обнаружена бронзовая пряжка (рис. 5, 11), помещенная в футлярчик из бересты, на которой были отмечены возможные следы прошивки в виде отверстий округлой формы. В том же футлярчике находилось костяное изделие, назначение которого неясно.

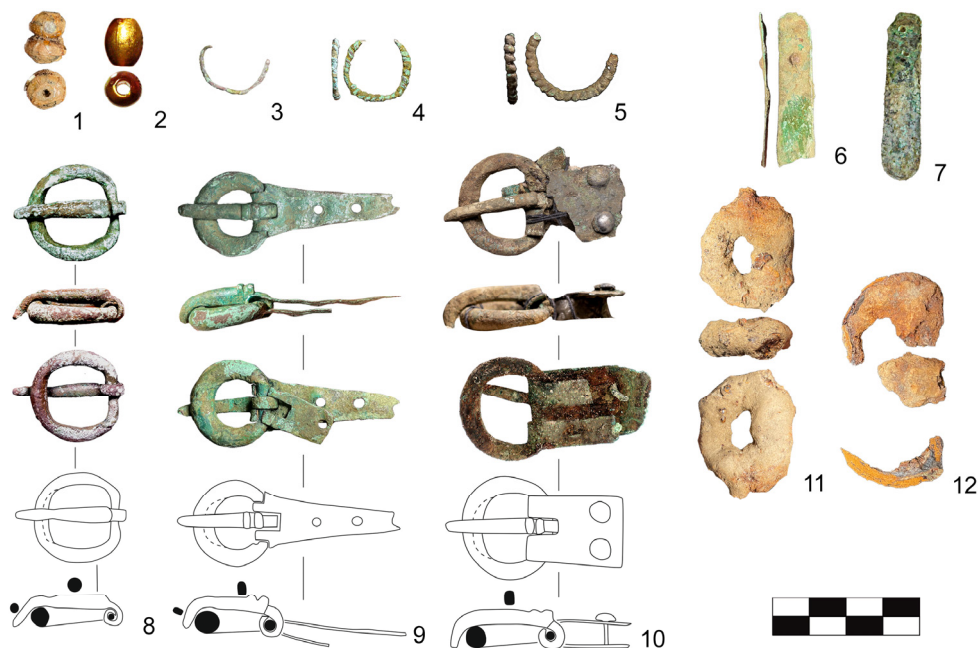

Рис. 5. Детали ременной гарнитуры и украшения из погребений курганного могильника Алексеевка 51а: 1, 4, 6–9 — п. 1 к. 13; 2 — п. 1 к. 12; 3, 5, 10 — п. 2 к. 14; 11, 12 — п. 1. к. 14.

Fig. 5. The belt set and decorations from the Alexeevka-51a burial mound:

1, 4, 6–9 — mound 13, grave 1; 2 — mound 12, grave 1; 3, 5, 10 — mound 14, grave 2; 11, 12 — mound 14, grave 1.

Вещи и датировка

Бытовой инвентарь (рис. 4). Костяные наконечники стрел (рис. 4, 1–3) плохой сохранности и сложно поддаются атрибуции, подобные широко известны в памятниках раннего железного века и средневековья. Железные ножи (рис. 4, 4–7), 4 ед., происходят из п. 1 к. 12 (рис. 4, 6),

п. 1 к. 13 — западнее тазовой кости погребенного (рис. 4, 7), п. 1 к. 14 — близ правой бедренной умершего (рис. 4, 5), п. 2 к. 14 — в обломках западнее головы (рис. 4, 6). Изделия имеют короткую клинок до 11,5 см с прямой или слегка выгнутой спинкой шириной от 0,5 до 0,7 см. В памятниках Западной Сибири эпохи переселения народов железные ножи являются одной из самых распространенных находок в погребениях подтаежных (карымский тип памятников нижнеобской ИКО, потчевашская) и лесостепных (бакальская) культур. Представленные варианты их расположения в могиле позволяют предполагать разные функции: как части костюмного комплекса, при расположении в области таза и ног, так и части поминального.

Тесло с несомкнутой втулкой (рис. 4, 8) из п. 1 к. 13 Алексеевки-51а представлено единичной находкой. Располагалось с внутренней стороны малой берцовой кости правой ноги покойного. Ширина лезвия 4,6 см, втулки — 5 см, общая длина изделия 9,6 см. По типологии С.П. Нестерова наш экземпляр может относиться к раннему типу 1 [Нестеров, 1981, с. 169–170], который отличается от более поздних образцов относительно равной шириной лезвия и втулки. В литературе данный тип изделий интерпретируют как узкоспециализированный плотничий инструмент (не исключая его использования в военном деле), который в эволюционном отношении пришел на смену экземплярам железного века с сомкнутой втулкой и коротким лезвием [Нестеров, 1981, с. 171–172; Серегин и др., 2022, с. 93]. Наличие подобных изделий — не редкость для западносибирских погребений эпохи переселения народов и раннего средневековья. В частности, подобные изделия известны по материалам раннего этапа бакальской культуры III–IV вв. Притоболья (Ипкуль) [Чикунова, 2017, с. 85, рис. 5, О], фоминской культуры I–III вв. (Кралык-1, Усть-Абинский) [Ширин, 2003, табл. XLIX, 3; L, 2; LI, 2; LXII, 26; LXXXIII, 49; LXXXIX, 3], карымского типа памятников IV–VI вв. Прииртышья [Грачев и др., 2021, с. 63: рис. 3Б, 4], потчевашской культуры VI–VIII вв. Ишимо-Иртышья [Западная Сибирь..., 2022, с. 115, рис. 50, 15, 16], одиноцкого этапа (V–VII вв.) верхнеобской культуры [Троицкая, Новиков, 1998, с. 100, рис. 113, 1–7, 9, 11], булан-кобинской культуры Алтая [Серегин, Матренин, 2020, с. 115–116].

Детали ременных гарнитур и украшения (рис. 5). Двучастная бусина с металлической фольгой и коричневым внешним слоем (рис. 5, 1) в единственном экземпляре была обнаружена в п. 1 к. 13 под нижней челюстью погребенного (рис. 3, 1), возможно, располагалась на перевязи вокруг шеи (?). По типологии Е.М. Алексеевой относится к одному из самых распространенных в Северном Причерноморье типов бус первых веков н.э. — 16 [Алексеева, 1978, табл. 26, 4–8]. Для памятников (Дежневский, Бирский могильники) Южного Урала аналогичные экземпляры зафиксированы в погребениях III–VIII вв. (тип I.1Г10б, по Р.Р. Руслановой) [Русланова, 2018, с. 112, рис. 26].

Удлиненная бочковидная бусина с металлической фольгой (рис. 5, 2) из разграбленного погребения 1 к. 12 известна по материалам Северного Причерноморья и Кавказа из комплексов римского (тип Алексеева–2б) и гуннского времени [Алексеева, 1978, табл. 26, 11; Мاستыкова, 2009, с. 104], тем не менее бусы с фольгой существуют продолжительное время и без узко датированных вещей не могут в полной мере ограничивать датировку.

Проволочные височные кольца (рис. 5, 3, 4, 5) происходят из п. 1 к. 13 и п. 2 к. 14, все обнаружены у головного отдела умершего. Повсеместно были распространены на широкой территории от древности до современности.

Наконечник ремня с расширением в нижней части, пластины которого скреплялись между собой при помощи шпеньков (рис. 5, 6, 7), обнаружен в п. 1 к. 13. Аналогии находим в памятниках Северо-Восточного Прикамья, в частности в п. 1 к. 6, п. 1 к. 7 Бродовского могильника с «хоботовидными» пряжками [Голдина, 2012, с. 244, табл. 4, 51, 59–60], датированного Р.Д. Голдиной первой половиной V в. Эти и другие комплексы И.О. Гавритухин рассматривает в контексте обсуждения позднегладеновского круга памятников [Гавритухин, 2022, с. 296, рис. 9, 33–34], датируя рубежом IV и V вв. [Там же, с. 300].

Бронзовые пряжки (рис. 5, 9–11) представлены тремя экземплярами из погребений курганов 13 (рис. 5, 8, 9) и 14 (могила 2) (рис. 5, 10), делятся на два типа. К относительно ранним принадлежит пряжка из п. 1 к. 13 (рис. 5, 9). Основание язычка с двумя валиками, конец сработан, плотно прилегает к рамке практически на всю ее высоту. По типологии позднесарматских древностей В.Ю. Малашева [Малашев, 2000, с. 220–221, рис. 1, 2] наша находка близка к типу П10, что позволяет датировать ее не ранее середины IV в. Однако передний конец язычка у нашего экземпляра чуть ниже, а основание массивнее, что делает эту пряжку ближе к типу П11а [Гавритухин и др., 2020, с. 238, рис. 2, 4, 25, 30, 31]. Длинный треугольный щиток сближает

Комплексы эпохи переселения народов из курганного могильника Алексеевка-51а...

нашу находку с аналогичными из комплексов конца IV — V в. азелинского круга (п. 5, Первомайский) [Лещинская, 2014, табл. 95, 24, 25], мазунинской культуры (п. 95, Старо-Кабаново) [Гавритухин, 2022, с. 278, рис. 3, 29] и Тураевских курганов (к. 5) [Красноперов, Гавритухин, 2022, с. 182, рис. 4, 6а]. Пряжка из п. 1 к. 13 и рассмотренный ранее наконечник из этого же погребения могут рассматриваться как характерное для группы Кала-Урын-Броды (поздний этап), выделенной И.О. Гавритухиным для памятников ВПН Северо-Восточного Прикамья [2022, с. 297–303], сочетание вещей и датироваться рубежом IV–V вв.

Две пряжки, обнаруженные в п. 1 к. 13 (рис. 5, 9) и п. 2 к. 14 (рис. 5, 11), относятся к типу «хоботовидных», с выступающим за передний край рамки язычком. Общепринятое мнение относительно времени наибольшего распространения подобных пряжек — конец IV — середина V в. [Амброз, 1989, с. 91, 100; Габуев, Малашев, 2009, с. 126–127; Гавритухин и др., 2020]. В ряде регионов они бытовали и позднее: так, на Кавказе они существуют вплоть до VI в., в Приуралье и Западной Сибири — единично до VII в. н.э., когда их постепенно вытесняют геральдические поясные наборы [Троицкая, Бородавский, 1990, с. 155, рис. 5, 12; Гавритухин, 1996, с. 124].

Обращают на себя внимание следы сработанности на рамках и язычках всех пряжек (рис. 5, 8–10), что указывает на активное их использование в составе ремня.

Железные овальные бесщитковые неполые пряжки (рис. 5, 11, 12), в двух экземплярах, из п. 1 к. 14, сильно корродированы. Одна из них (рис. 5, 12) рассыпалась при извлечении из могилы (имела аналогичный первой вид). В Восточной Европе такие пряжки известны с IV в., в частности, в азелинской и синхронной ей мазунинской культуре. В Западной Сибири они известны в составе инвентаря погребений оседлого и кочевого населения эпохи Великого переселения народов: Юрт-Акбалык-8, Черное-Озеро-1, Крохалева-23 [Троицкая, 1973, рис. 35, 10, 11; Троицкая, Новиков, 1998, с. 112, рис. 25, 38–40] единцовского этапа верхнеобской культуры, карымского типа памятников [Грачев и др., 2021, с. 63, рис. 3Б, 1; Матвеева, 2012, с. 132, рис. 13, 3], булан-кобинской культуры Алтая II–V вв. [Серегин и др., 2023, с. 138, рис. 7, 2].

Рис. 6. Керамические сосуды из погребений курганного могильника Алексеевка 51а:

1 — п. 1 к. 13; 2 — п. 2 к. 14; 3 — п. 1 к. 14; 4 — насыль к. 12; 5 — п. 1 к. 12.

Fig. 6. Ceramic vessels from the the Alekseevka-51a burial ground:

1 — mound 13, grave 1; 2 — mound 14, grave 2; 3 — mound 14, grave 1; 4 — mound 12; 5 — mound 12, grave 1.

Керамика (рис. 6) в основном представлена «классическими» сосудами карымского типа с фигурно-штамповой и мелкогребенчатой орнаментацией [Борзунов, Чемякин, 2015]. Три из них горшечных форм, высотой 12–15 см, с отогнутой наружу (рис. 6, 1) или вогнутой внутрь (рис. 6, 2, 4) шейкой высотой 3,2–3,5 см, плавно спускающимися плечами высотой 2–2,5 см. Сосуд из п. 1 к. 14 чашевидной формы, высотой 6–8 см, с вогнутой внутрь шейкой высотой 1,5–2 см, плавно спускающимися плечами высотой до 1,3 см. Орнаментом покрыта 1/3 (рис. 6, 1), 1/2 (рис. 6, 2) или вся площадь (рис. 6, 3) сосудов. Во всех случаях он представлен следующими элементами: наклонные или горизонтально поставленные оттиски мелкой гребенки, округлые ямочные вдавления в верхней части шейки сосуда, оттиски ромбического глазчатого штампа.

Аналогии данным сосудам обнаруживаем во всех известных карымских могильниках Тоболо-Иртышья: Козлов-Мыс-2 [Матвеева, 2012, с. 123, рис. 3, 1; с. 124, рис. 4, 3; рис. 41, 6], Ревда-5 [Матвеева, 2016, с. 258, цв. ил. 11, 14], Усть-Тара-7 [Скандаков, Данченко, 1999, рис. 15, 16] и Красноярский-IV [Грачев и др., 2021, с. 69]. По типологии карымской посуды Нижнего Приобья В.А. Борзунова и Ю.П. Чемякина сосуды из погребений могильника Алексеевка-51а относятся к типу II с «фигурно-штамповой» орнаментацией и восходят к поздним кулайским традициям [Борзунов, Чемякин, 2015, с. 57–58, рис. 2].

Из общей коллекции карымской керамики резко выделяется сосуд из п. 1 к. 12 (рис. 6, 5). Он чашевидной формы, высотой 9,5–10 см, с диаметром по венчику 14 см. Орнамент представлен округлыми ямочными вдавлениями в верхней части сосуда, а также наклонными нарезками по венчику. По морфологическим и орнаментальным особенностям мы относим экземпляр из п. 1 к. 12 к бакальскому типу керамики, хорошо известному по памятникам эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья из лесостепного Притоболья — основного ареала бакальской культуры. В частности, наиболее близкие аналогии находим в погребениях Ревды-5 [Матвеева, 2016, с. 85, рис. 53, 7], Устюга-1 [Там же, с. 21, рис. 8, 4; с. 25, рис. 11, 12, 17], Ипкульского некрополя [Чикунова, 2017, с. 90, рис. 6, Д]; массово они представлены в культурных слоях бакальских поселений: Коловское, Усть-Утяк-1, Большое Бакальское, Красногорское, Борковское [Пименова, 2017, с. 65, табл. 1]. Данный тип керамики существует в течение всего времени бытования культуры — начала IV — VIII/IX в.

Таким образом, на основании аналогий деталям поясных наборов и украшениям погребенных из курганов 13 и 14 по предварительной оценке погребения могут датироваться в пределах конца IV — V в. н.э. Погребение кургана 12 на данный момент сложно поддается хронологической оценке. Уточнение датировок возможно после тщательного и детального сравнительно-типологического анализа всех известных на сегодня комплексов карымского типа, тем не менее рассмотренные материалы не противоречат устоявшимся в литературе мнениям относительно времени появления и развития карымского типа памятников нижеобской ИКО в IV–VI вв. [Чернецов, 1957, с. 155–219; Федорова и др., 1991, с. 131–136; Зыков, 2012, с. 48–50; Борзунов, Чемякин, 2012; Перевалова, Качаров, 2006, с. 63; Западная Сибирь..., 2022, с. 100–103].

Элементы погребального обряда и его локальные особенности

Курганный могильник Алексеевка-51а на сегодня является крайним южным памятником карымского типа нижеобской ИКО. В целом особенности могил соответствуют общим характеристикам карымских погребений Тоболо-Иртышья как по составу инвентаря, так и по признакам погребального обряда [Борзунов, Чемякин, 2014; Западная Сибирь..., 2022]. Это подкурганные одиночные захоронения в неглубоких овальных и подпрямоугольных ямах, в которых погребенные уложены вытянуто на спине.

К сожалению, в связи с высоким уровнем антропогенной нагрузки в более позднее время и обустройством на территории могильника поселения XVI–XVIII вв. курганные насыпи и их конструкции не удалось проследить с особой тщательностью. Тем не менее ряд аналогий традиции обустройства компактных могильников с малыми (5–10 м в диаметре и менее метра в высоту) курганными насыпями находим как в предшествующее время, так и в синхронный рассматриваемым древностям период. В раннем железном веке строительство курганов было характерно для саргатской культуры лесостепи Западной Сибири, оно отличалось исполнением сложных форм и архитектурных решений вплоть до финала культуры [Корякова 1988, с. 47–48; Полосьмак, 1987, с. 10–13; Матвеева, 2000, с. 133; 2019]. Уже на рубеже III–IV вв. надмогильные конструкции упрощаются: одномогильные (редко с 2–4 могилами) земляные насыпи малых форм занимают компактные мысовые или пойменные участки, образуя некрополи с десятками курганов [Матвеева, 2016, с. 210]. Данная инновация характерна для памятников культур эпохи переселения народов, обнаруженных на всех бывших локальных территориях саргатской культуры и ее соседей: в Притоболье — бакальская культура (Ипкульский, Устюг-1, Ревда-5, Козлов-Мыс-2), [Матвеева, 2016], в Прииртышье — карымский тип нижеобской ИКО (Усть-Тара-7, Красноярский-IV) [Скандаков, Данченко, 1999; Грачев и др., 2021], в Барабе — «сперановская» группа захоронений (Сопка-2) [Молодин, Елагин, 1990; Елагин, Молодин, 1991, с. 47–60] и Новосибирском Приобье — верхнеобская культура (Крохалевка-16, Юрт-Акбалык-8) [Сумин и др., 2013, с. 219–224; Молодин и др., 1996, с. 123].

Резкие изменения в обустройстве погребальных сооружений позволяют предполагать существенные социальные перемены, произошедшие в финале раннего железного века Западной Сибири. Пока сложно ответить однозначно, были это массовые миграции, или заимствова-

Комплексы эпохи переселения народов из курганного могильника Алексеевка-51а...

ние идей в контактных районах с предуральскими и восточноевропейскими племенами, или разложение социально-политической структуры в связи с уходом саргатских элит [Шарапова, 2022, 172]. Данный вопрос требует отдельного исследования вкупе с обобщениями антропологических данных и детальной проработки хронологии.

Сравнение захоронений Алексеевки 51а с ближайшими известными погребальными комплексами южнотаежного Прииртышья (могильники Усть-Тара-VII и Красноярский-IV) показывает незначительную роль кремации в ритуале рассматриваемого памятника. Только из погребения кургана 12 происходят разрозненные останки, на которых достоверно зафиксированы следы термического воздействия. Однако соотнесение его с основным культурным комплексом затруднительно в связи с полным ограблением могилы, а также отличием керамики. К отдельным признакам проявления «культы огня» можно отнести обнаруженное с юго-восточной стороны п. 2 к. 14 овальное пятно оранжевого прокала. Подобные ритуальные объекты отмечены для ряда карымских могил Притоболья из Козлов-Мыс-2 [Матвеева, 2012, с. 173: рис. 56, 4].

Нельзя не отметить для погребений Алексеевки-51а отличную от остальных карымских погребений ориентировку. В соответствии с общей выборкой, носители карымской традиции предпочитали хоронить головой на север или с уклоном в западный сектор [Западная Сибирь..., 2022, с. 96]. В нашем случае умерших укладывали головой на северо-северо-восток, что не типично. Интересно, что, по данным Т.Н. Троицкой и А.В. Новикова, на раннем (единцовском) этапе верхнеобской культуры погребенные ориентированы головами на северо-восток в 40 % из 176 случаев [Троицкая, Новиков, 1998, с. 23]. В частности, наиболее близки по морфологии и ориентировкам карымским могилам Алексеевки-51а верхнеобские погребения из Черного-Озера-1 [Там же, с. 93, рис. 6, 1, 3, 6] и Юрт-Акбалыка-8 [Там же, с. 94, рис. 7, 3, 5]. Учитывая определенное соседство с верхнеобской культурой, предположим возможное влияние ее носителей на население южнотаежного Прииртышья или их контакты в эпоху Великого переселения народов. Принимая во внимание ограниченность нашей выборки, нельзя исключать объяснение специфичности ориентировки локальными традициями карымских насельников.

Еще одна деталь погребального обряда требует рассмотрения. Это погребение 1 к. 13 с набором инвентаря «пояс-тесло-нож» (рис. 3, 1). В связи с открытиями последних десятилетий в Тоболо-Иртышье нам известна серия погребений с аналогичным набором инвентаря предгуннского и гуннского времени: п. 3 к. 4 Иркуля [Чикунова, 2017, с. 85, рис. 3], п. 1 к. 15 и п. 1 к. 24 Красноярско-IV [Грачев, Зеленков, Слепцова, 2021, рис. 3Б, рис. 7]. Они отличаются относительным богатством инвентаря, а их единичность среди «рядовых» погребений с меньшим составом вещей позволяет предполагать более высокий социальный статус («воинский») погребенных.

Заключение

Таким образом, публикуемые комплексы курганного могильника Алексеевка-51а продолжают ряд открытий карымских погребений в подтаежном и лесостепном Прииртышье и могут быть датированы рубежом IV–V вв. Локальные и эпохальные особенности погребальных традиций находят аналогии в памятниках разных культур Западной Сибири, что позволяет наметить линию будущих исследований в отношении проблемы взаимодействия культур Обь-Иртышского бассейна в эпоху переселения народов и раннего средневековья, а также выйти на сюжет о социальной стратификации карымского общества.

Финансирование. Работа А.С. Зеленкова (аналитика материала, подбор аналогий и хронология, иллюстрации к статье) подготовлена по проекту программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «История Северного Казахстана с древнейших времен до новейшего времени», № BR 21882225. Работа А.В. Слепцовой (антропологические определения, статистика) выполнена по госзаданию FWRZ-2021-0006. Работы Ю.В. Герасимова, М.А. Корусенко, М.Ю. Здора (полевые и кабинетные работы, первичная обработка материала, описание погребений и сооружений, редакция текста) выполнены по госзаданию FWZG-2025-0014 «Население юга Западно-Сибирской равнины: социокультурная динамика и культурное наследие».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. М.: Наука, 1978. Вып. Г1-12/2. 104 с.
Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.
Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымское общество таежного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2012. Вып. 10. С. 217–261.

- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П.* Карымские могильники таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2. С. 64–70.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П.* Карымская керамика таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1. С. 56–66.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.
- Гавритухин И.О.* К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры Евразийских степей. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 115–134.
- Гавритухин И.О.* Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов // Археология Волго-Уралья. Эпоха Великого переселения народов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. Т. 4. С. 272–317.
- Гавритухин И.О., Красноперов А.А.* Тураевский курганный могильник // Археология Волго-Уралья. Эпоха Великого переселения народов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. Т. 4. С. 175–193.
- Гавритухин И.О., Мاستыкова А.В., Свиридов А.Н., Суханов Е.В., Язиков С.В.* Финал могильника Фронтное 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // Stratum plus. 2020. № 4. С. 235–247.
- Герасимов Ю.В., Здор М.Ю.* Исследование памятника Алексеевка-51: Предварительные итоги // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2011. № 2. С. 107–110.
- Голдина Р.Д.* О датировке и хронологии неволинской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. — XV в. н.э.): Хронологическая атрибуция. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 203–286. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; Т. 25).
- Грачев М.А., Зеленков А.С., Слепцова А.В.* Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4. С. 60–73. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-5>
- Данченко Е.М.* К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: Материалы семинара. Челябинск: Рифей, 2008. С. 45–60.
- Елагин В.С., Молодин В.И.* Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.
- Жиров Е.В.* Об искусственной деформации головы // КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 88–95.
- Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: Взаимодействие этнокультурных общностей /* Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 2022. 260 с.
- Здор М.Ю., Татауров С.Ф., Тихомиров К.Н.* Археологическая карта Муромцевского района Омской области. Омск: Омск. ун-т, 2000. 135 с.
- Зыков А.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. 232 с.
- Зубов А.А.* Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Урал. университет, 1988. 240 с.
- Лещинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2014. Т. 27. 472 с.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д: Терра, 2000. Вып. 1. С. 194–232.
- Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI вв. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- Матвеева Н.П.* Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. 178 с.
- Матвеева Н.П.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. 264 с.
- Матвеева Н.П.* Курганы-пирамиды раннего железного века в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 47. № 1. 2019. С. 73–82. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.1.073-082>
- Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н.* Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. Новосибирск: Наука. 1996. 192 с.
- Молодин В.И., Елагин В.С.* Погребения сперановского этапа потчевашской культуры Барабы // Мироззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука. 1990. С. 140–149.
- Нестеров С.П.* Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 168–172.
- Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.* Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН: ГРАФО, 2006. 352 с.
- Пименова А.В.* Динамика гончарства бакальской культуры // АВ ORIGINE. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2017. Вып. 9. С. 62–78.
- Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 145 с.

Комплексы эпохи переселения народов из курганного могильника Алексеевка-51а...

Пошехонова О.Е., Слепцова А.В. Население Нижнего Приобья в переходное время от раннего железного века к средневековью по данным краниологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (39). 2017. С. 90–103. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-090-103>

Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башк. энцикл., 2018. 376 с.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-1). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 276 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Элементы поясов населения Северного Алтая жужаньского времени (по материалам некрополя Чобурак-1) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35. № 1. С. 122–147. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(1\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(1).-08)

Система адаптивного земледелия Омской области / Отв. ред. В.С. Бойко, Л.В. Юшкевич. Омск: Изд-во ИП Макшеевой Е.А., 2020. 522 с.

Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность: Ежегодн. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160–186.

Сумин В.А., Евтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченевского района Новосибирской области. Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2013. 272 с.

Троицкая Т.Н. Пояса из погребений Новосибирского Приобья II–IV вв. н.э. // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 100–103.

Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Погребения младенцев в курганах VII в. н.э. в Новосибирском Приобье: (К вопросу об этнокультурных контактах и идеологии) // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука. 1990. С. 149–162.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1991. Вып. 20. С. 126–145.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. 1957. 334 с. (МИА; № 58).

Чикунова И.Ю. Ипкульский курганный могильник (результаты раскопок 2010–2011) // Ab Origine. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 2017. Вып. 9. С. 79–110.

Шарапова С.В. Древности раннего железного века лесостепного Зауралья и Западной Сибири. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2022. 208 с.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Lovejoy C.O. Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. No. 68. P. 47–56.

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // American Journal of Physical Anthropology. 1985. No. 68. P. 57–66.

White T.D., Folkens P.A. The Human Bone Manual. L.: Elsevier. 2005. 464 p.

Zelenkov A.S.^{a,b,*}, Korusenko M.A.^c, Gerasimov Yu.V.^c, Zdor M.Yu.^d, Sleptsova A.V.^e

^a Tyumen State University, Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625000, Russian Federation

^b International science complex Astana, Kabanbay-batyr Ave., 8, Astana, 010000, Republic of Kazakhstan

^c Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, prosp. K. Marksa, 15/1, Omsk, 644023, Russian Federation

^d Omsk Scientific Center SB RAS, prosp. K. Marksa, 15/1, Omsk, 644023, Russian Federation

^e Tyumen Scientific Centre of SB RAS, Chervishevskiy trakt st., 13, Tyumen, 625026, Russian Federation

E-mail: qvimen@hotmail.com (Zelenkov A.S.); otto_link@mail.ru (Korusenko M.A.);

ngajapti@yandex.ru (Gerasimov Yu.V.); max.zdor@gmail.com (Zdor M.Yu.);

sleptsova_1993@mail.ru (Sleptsova A.V.)

Complexes of the Migration period in the Alekseevka-51a kurgan cemetery (Omsk Irtysh region)

The article presents the Karym type complexes of the late 4th — 5th c. AD of the Lower Ob cultural and historical community (CHC), discovered in the Omsk Irtysh region near the Alekseevka village (Muromtsevo district of Omsk region). The Alekseevka-51a kurgan cemetery is located within the territory of the Alekseevka archaeological microregion, in the south-eastern outskirts of the Tara-Tuy Plain, on the right bank of the Tara River. The

* Corresponding author.

burial ground belongs within the late medieval settlement of Alekseevka-51 discovered in 2004 by M.A. Korusenko. In 2009 and 2010, under the leadership of M.Yu. Zdor and Yu.V. Gerasimov, mounds 12, 13, and 14 with collective and single burials containing figure-stamped pottery of the Karym type, fragments of belt sets and decorations from the Migration period were studied. This article provides their full publication, together with data from palaeoanthropological analysis. As a result, when describing burials and the interred ones, artifact assemblages and pottery, the authors discovered syncretic forest-steppe and taiga features in the burial ritual, as well as distant Eastern European and Trans-Ural similarities to the grave goods. The acquired data will further allow a more detailed determination of the distribution area of the Karym type sites of the Lower Ob CHC, clarification of the chronology, causes and consequences of the migration of taiga groups to the forest-steppe of Western Siberia.

Keywords: Western Siberia, Omsk Irtysh region, Karym type of monuments, burial complexes, Great migration of peoples.

Funding. The work of A.S. Zelenkov (analysis of material, selection of analogies and chronology, illustrations for the article) was prepared under the project of program-targeted financing of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “History of Northern Kazakhstan from Ancient Times to Modern Times”, No. BR 21882225. The work of A.V. Sleptsova (anthropological definitions, statistics) was completed under state assignment FWRZ-2021-0006. The works of Yu.V. Gerasimov, M.A. Korusenko, M.Yu. Zdor (field and office work, primary processing of material, description of burials and structures, text editing) were completed under state assignment FWZG-2025-0014 “Population of the South of the West Siberian Plain: Sociocultural Dynamics and Cultural Heritage”.

REFERENCES

- Alekseyeva, Ye.M. (1978). *Antique beads from the Northern Black Sea region*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Ambroz, A.K. (1989). *Chronology of antiquities of the North Caucasus in the 5–7 centuries AD*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Borzunov, V.A., Chemyakin, Yu.P. (2012). Karym society of the taiga Ob' region: some aspects of its genesis, development and interaction with neighbors, In: *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo. Vyp. 10*. Tomsk; Khanty-Mansiysk: TGU, 217–261. (Rus.).
- Borzunov, V.A., Chemyakin, Yu.P. (2014). Karym burial grounds of the taiga Ob region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 64–70. (Rus.).
- Borzunov, V.A., Chemyakin, Yu.P. (2015). Karym ceramics of the taiga region of the Ob region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 56–66. (Rus.).
- Boyko, V.S., Yushkevich, L.V. (Eds.) (2020). *System of adaptive agriculture of the Omsk region*. Omsk: Izd-vo IP Maksheyevoy Ye.A. (Rus.).
- Chernetsov, V.N. (1957). Lower Ob region in the 1st millennium AD. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, (58). (Rus.).
- Chikunova, I.Yu. (2017). Ipkul burial mound (results of excavations 2010–2011). In: *Ab Origine*, (9), 79–110. (Rus.).
- Danchenko, Ye.M. (2008). To characterize the historical and cultural situation in the Middle Irtysh region at the turn of the Early Iron Age and the Middle Ages. In: *Problemy bakal'skoy kul'tury: Materialy seminara*. Chelyabinsk: Rifei, 45–60. (Rus.).
- Fedorova, N.V., Zykov, A.P., Morozov, V.M., Terekhova, L.M. (1991). Surgut Ob region in the Middle Ages. In: *Voprosy arkheologii Urala*, (20). 126–145. (Rus.).
- Gabuyev, T.A., Malashev, V.Yu. (2009). *Monuments of the early Alans of the central regions of the North Caucasus*. Moscow: Taus. (Rus.).
- Gavritukhin, I.O. (1996). To the study of belt sets of the Volga region of the 6th–7th centuries AD. In: *Kul'tury Yevraziyskikh stepey*. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-krayevedcheskiy muzey im. P.V. Alabina, 115–134. (Rus.).
- Gavritukhin, I.O. (2022). Chronology and dynamics of cultures at the end of the late Sarmatian period and the beginning of the era of the Migration period. In: *Arkheologiya Volgo-Ural'ya. Epokha Velikogo pereseleniya narodov. T. 4*. Kazan': Izd-vo AN RT, 272–317. (Rus.).
- Gavritukhin, I.O., Krasnoperov, A.A. (2022). Turaevsky burial mound. In: *Arkheologiya Volgo-Ural'ya. Epokha Velikogo pereseleniya narodov, T. 4*. Kazan': Izd-vo AN RT, 175–193. (Rus.).
- Gavritukhin, I.O., Mastykova, A.V., Sviridov, A.N., Sukhanov, Ye.V., Yazikov, S.V. (2020). The Finale of Frontovoye 3 Burial Ground (on the study of migrations in the South-Western Crimea at the Demise of Antiquity). *Stratum plus*, (4), 235–247. (Rus.).
- Gerasimov, Yu.V., Zdor, M.Yu. (2011). Study of the Alekseevka-51 monument: Preliminary results. In: *Kul'turologicheskiye issledovaniya v Sibiri*, (2), 107–110. (Rus.).
- Goldina, R.D. (2012). On the dating and chronology of the Nevolino culture. In: *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (6 BC — 15 AD): Khronologicheskaya atributsiya*. Izhevsk, 203–286. (Rus.).
- Grachev, M.A., Zelenkov, A.S., Sleptsova, A.V. (2021). Krasnoyarskiy-IV kurgan cemetery of the Great Migration Period. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 60–73. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-5>
- Koryakova, L.N. (1988). *Early Iron Age of Trans-Urals and Western Siberia (Sargatka culture)*. Sverdlovsk: Ural'skiy universitet. (Rus.).

Комплексы эпохи переселения народов из курганного могильника Алексеевка-51а...

- Leshchinskaya, N.A. (2014). Vyatka region in the Pyanobor era (based on materials from funeral monuments of the 1st–5th centuries AD). (Rus.).
- Malashev, V.Yu. (2000). Periodization of belt sets of the late Sarmatian period. In: *Sarmaty i ikh sosedi na Donu*. Rostov-na-Donu: Terra, 194–232. (Rus.).
- Mastykova, A.V. (2009). *Women's costume of the Central and Western Ciscaucasia at the end of the 4th — mid-6th centuries AD*. Moscow: IA RAN. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (2000). *Socio-economic structures of the population of Western Siberia in the Early Iron Age (forest-steppe and subtaiga zones)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (2012). *Kozlovsky burial ground of the era of the Great Migration period*. Tyumen: TyumGU. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (2016). *Western Siberia in the era of the Great Migration of Peoples (problems of cultural genesis according to the data of funerary monuments)*. Tyumen: TyumGU. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (2019). Early Iron Age Pyramidal Kurgans in Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 47(1), 73–82. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.1.073-082>
- Matveeva, N.P. (Ed.) (2022). *Western Siberia in the Early Middle Ages: Interaction of ethnocultural communities*. Tyumen: Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet. (Rus.).
- Molodin, V.I., Borodovskiy, A.P., Troitskaya, T.N. (1996). *Archaeological monuments of the Kolyvan district of the Novosibirsk region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Molodin, V.I., Elagin, V.S. (1990). Burials of the Speranovsky stage of the Potchevash culture of the Baraba. In: *Mirovozzreniye finno-ugorskikh narodov*. Novosibirsk: Nauka, 140–149. (Rus.).
- Nesterov, S.P. (1981). Adzes of ancient Turkic times in Southern Siberia. In: *Voyennoye delo drevnikh plemon Sibiri i Tsentral'noy Azii*. Novosibirsk: Nauka, 168–172. (Rus.).
- Perevalova, Ye.V., Karacharov, K.G. (2006). *The Agan river and its inhabitants*. Yekaterinburg; Nizhnevar-tovsk: UrO RAN: GRAFO. (Rus.).
- Pimenova, A.V. (2017). Dynamics of pottery of the Bakal'skaya culture. *AB ORIGINE*, (9), 62–78. (Rus.).
- Polos'mak, N.V. (1987). *The Baraba in the Early Iron Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Poshekhonova, O.E., Sleptsova, A.V. (2017) Population of the Lower Tobol region in the transitional period from the Early Iron Age to the Middle Ages according to craniological data. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 39(4), 90–103. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-090-103>
- Ruslanova, R.R. (2018). *Beads of the Southern Urals based on materials from necropolises of the 3rd–8th centuries*. Ufa: Bashk. entsikl. (Rus.).
- Seregin, N.N., Demin, M.A., Matrenin, S.S., Umanskiy, A.P. (2022). *Northern Altai in the era of the Great Migration of Peoples (based on materials from the archaeological complex Karban-I)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2020). *Social history of the population of Altai in the era of nomadic empires (2nd century BC — 14th century AD): based on materials from archaeological complexes*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Parshikova, T.S. (2023). Elements of the belts of the population of Northern Altai during the Rouran period (based on materials from the Choburak-I necropolis). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 35(1), 122–147. (Rus.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(1\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(1).-08)
- Sharapova, S.V. (2022). *Antiquities of the Early Iron Age of the forest-steppe Trans-Urals and Western Siberia*. Yekaterinburg: Ural'skiy rabochiy. (Rus.).
- Shirin, Yu.V. (2003). *Upper Ob region and the foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the 1st millennium AD (funerary monuments of Fominskaya culture)*. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'. (Rus.).
- Skandakov, I.Ye., Danchenko, Ye.M. (1999). Ust-Tara VII burial mound in the southern taiga region of the Irtysh region. *Gumanitarnoye znaniye. Seriya «Preyemstvennost'»*, (3), 160–186. (Rus.).
- Sumin, V.A., Evteeva, E.M., Anufriev, D.E., Roslyakov, S.G. (2013). *Archaeological monuments of the Koshenevsky district of the Novosibirsk region*. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Novosibirskoy oblasti. (Rus.).
- Troitskaya, T.N. (1973). Belts from burials of the Novosibirsk Ob region 2–4 centuries AD. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*, (136), 100–103. (Rus.).
- Troitskaya, T.N., Borodovskiy, A.P. (1990). Burials of infants in burial mounds of the 7th century AD in the Novosibirsk Ob region (on the issue of ethnocultural contacts and ideology). In: *Mirovozzreniye finno-ugorskikh narodov*. Novosibirsk: Nauka, 149–162. (Rus.).
- Troitskaya, T.N., Novikov, A.V. (1998). *The Verkhneobkaya culture in the Novosibirsk Ob region*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Yelagin, V.S., Molodin, V.I. (1991). *Baraba at the beginning of the 1st millennium AD*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Zdor, M.Yu., Tataurov, S.F., Tikhomirov, K.N. (2000). *Archaeological map of the Muromtsevo district of the Omsk region*. Omsk: Omsk. un-t. (Rus.).
- Zhirov E.V. (1940) Skull artificial deformation. *Kratkie soobshcheniya o polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noj kul'tury*, (8), 88–95.
- Zubov, A.A. (1968). *Odontology: Methodology of anthropological research*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Zykov, A.P. (2012). *Barsova Gora: Essays on the archeology of the Surgut Ob region. Middle Ages and modern times*. Yekaterinburg: Ural'skiy rabochiy. (Rus.).

Зеленков А.С., Корусенко М.А., Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Слепцова А.В.

Зеленков А.С., <https://orcid.org/0000-0001-6257-119X>
Корусенко М.А., <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>
Герасимов Ю.В., <https://orcid.org/0000-0002-5066-576X>
Здор М.Ю., <https://orcid.org/0000-0002-1842-101X>
Слепцова А.В., <https://orcid.org/0000-0001-5791-248X>

Сведения об авторах:

Зеленков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский государственный университет, Тюмень.

Корусенко Михаил Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск.

Герасимов Юрий Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск.

Здор Максим Юрьевич, ведущий инженер, Омский научный центр СО РАН, Омск.

Слепцова Анастасия Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the authors:

Zelenkov, A.S., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tyumen State University, Tyumen.

Korusevko, M.A., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk.

Gerashimov, Yu.V., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk.

Zdor, M.Yu., Leading Engineer, Omsk Scientific Center SB RAS, Omsk.

Sleptsova, A.V., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 19.12.2024

Article is published: 15.03.2025